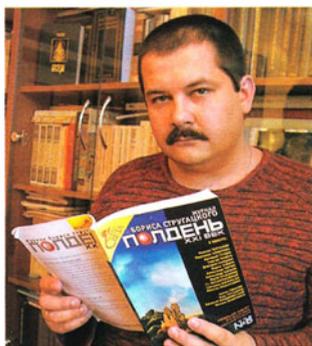

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО Донырнуть до звезд

Рассказ

СЕРГЕЙ ЯРАЕВ

Сергей Лукьяненко является, пожалуй, самым известным молодым российским писателем-фантастом, тиражи его книг только в 2004 году перевалили за миллион. По образованию врач-психиатр, окончивший в 1992 году Алма-Атинский медицинский институт, Лукьяненко пришел в большую литературу в конце 1980-х, его первый рассказ «Нарушение» был опубликован в 1988 году в алма-атинском журнале «Заря». Затем последовали повести «Атомный сон» и «Рыцари сорока островов», а также фантастические романы «Осенние ви-

зиты» и «Лабиринт отражений», сделавшие его имя широко известным в этом жанре. В 1999 году Лукьяненко стал самым молодым лауреатом «Аэлиты» — престижной отечественной премии, присуждаемой за общий вклад в развитие фантастики. Но самое широкое признание получил его роман «Ночной дозор», названный по результатам национального конкурса издательства «Книга года-2004» «Бестселлером года». А после выхода на экраны летом этого года одноименного фильма его произведениями стали зачитываться даже те, кто до этого не особенно интересовался фантастикой. Свой жанр сам Лукьяненко определяет как «Фантастику пути» или «Фантастику жесткого действия», считая, что внутри нее могут быть и детектив, и мелодрама, и роман воспитания. Рассказ «Донырнуть до звезд», вышедший в 4-м номере за 2004 год журнала Бориса Стругацкого «Полдень. XXI век», позволит заинтересованному читателю убедиться в этом еще раз.

Старик и мальчик сидят на морском берегу. Старик перебирает четки из раковин. Мальчик делает вид, что вспоминает. На самом деле он смотрит на горизонт.

Кто-то сказал мальчику, что, когда день сменяется ночью, в небе можно увидеть звезды. Это неправда. Но вечерами мальчик приходит к морю и смотрит на горизонт.

Ночь приходит в мир. Сразу становится темно и прохладно. Звезд нет, только искры планктона вспыхивают в темной воде. Старик шевелится и говорит:

— Время прошло. Рассказывай.

Мальчик вздыхает, переводит взгляд от горизонта к старику. Что горизонт, что старик — для мальчика они оба древние и непостижимые.

— Оахо Три Весла всю свою жизнь хотел странного, — начинает мальчик.

— Почему его звали Три Весла? — спрашивает старик.

— Потому, что в лодке он один стоил трех гребцов, — от-

вечает мальчик удивленно. Такие простые вопросы его озабаивают.

— Рассказывай дальше, — говорит старик.

— Он совершил много удивительных подвигов. Когда ему было только десять лет...

Я на время отвлекаюсь от них. Я люблю наблюдать за стариком, но время его жизни истекает. Я чувствую, что мне понравится наблюдать за мальчиком, но я не знаю, сколько ему отпущено.

В этом мире все зависит от меня. Все, кроме судьбы.

Я решаю посмотреть на звезды. Это почти так же интересно, как смотреть на людей. Почти — потому что звезды умирают реже. Я не видел их рождения, я не застану их смерти. Нет ничего столь непохожего, как человек и звезда.

И все же на них одинаково интересно смотреть.

Я думаю о том, что мальчик поспешил родиться. Он никогда не увидит звезд.

Когда я вновь смотрю на старика и мальчика, легенда близится к концу.

— И построив этот чудесный корабль, Оахо попрощался с женами и поплыл на край света, — говорит мальчик. — Бури кидали и крутили его корабль, но он плыл вперед. Волны унесли бурдюки с водой, но он стал пить морскую воду. Кончилась еда, но Оахо поймал черепаху и ел ее мясо.

— Что говорит закон? — тихо спрашивает старик.

— Нельзя есть черепах, это закон, — отвечает мальчик. — Но нельзя умирать, если можно выжить, это другой закон. Когда два закона говорят разное, каждый сам решает, как поступить.

Мальчик замолкает, но старик чего-то ждет. И тогда мальчик добавляет:

— Оахо решил жить и съел черепаху.

Старик кивает.

— Он плыл и плыл, держа путь по солнцу, — продолжает мальчик. — И однажды Оахо увидел впереди острова. Он решил, что нашел Землю-у-Края-Света, и обрадовался. Но когда корабль Оахо пристал к берегу, навстречу ему вышли его жены и дети. Так Оахо Три Весла совершил путешествие вокруг света. Так люди узнали, что мир — круглый.

Старик кивает. Пальцы его все так же перебирают четки. В ночной темноте мальчик этого не видит, только слышит, как постукивают друг о друга раковины.

— Тебе нравится Оахо, — говорит старик.

— Да, учитель. Я хотел бы быть его сыном.

Я думаю о том, что мальчик опоздал родиться. Оахо гор-

дился бы таким сыном. Но мальчик — тоже его потомок, хотя он и не знает о том.

— Что ты хочешь услышать, Соуи Два Вопросы?

Мальчик оживает. Он знает, что спросить:

— Расскажи мне о звездах, Алату Четыре Голоса.

Старик перебирает четки. Пальцы ласкают гладкие раковины. Старик медлит, он не хочет отвечать. Но учитель обязан учить — таков закон.

— Звезды похожи на искры от костра в небе или светящийся планктон в море, — говорит старик. — Когда-то все небо было в звездах. Днем их нельзя было увидеть, зато ночью люди выходили из хижин и смотрели в небо... сколько им хотелось. Звезды висели высоко-высоко, они мерцали, но не гасли. До них нельзя было дотянуться, и они не годились ни для чего полезного. Но смотреть на них было приятно.

Мальчик слушает. Наверное, он думает о том, что смотрел бы в небо каждую ночь.

Я отвлекаюсь ненадолго и тоже смотрю на звезды. Для меня это и развлечение, и работа.

Звезды красивы, но они могут подождать.

Звезды умирают очень редко.

— ...и когда-нибудь будет новое небо и новые звезды, — говорит старик. — И новые люди будут смотреть на них. Когда это случится, не знает никто.

Старик неправ. Я знаю. Это случится через девяносто три года, два месяца и шесть дней. Но им этого никогда не узнать.

— Люди должны помнить о звездах, потому что иначе звезды забудут людей, — заканчивает старик. — И ты молодец, что думаешь о звездах.

Мальчик вздыхает. Спрашивает:

— А правда ли, что Оахо Три Весла видел звезды?

Старик молчит. Ему очень не хочется говорить. Очень.

— Так сказано в легенде о последнем подвиге Оахо, — говорит он.

— Расскажи ее, — просит мальчик.

И старик начинает рассказывать.

В этом мире от меня зависит все, кроме судьбы. Но я умею предсказывать судьбу — почти так же точно, как движение звезд. И теперь я знаю, что мальчик умрет раньше старика.

Мне становится грустно.

— Я видел свет в небе, но не нашел там звезд. Так ска-

зал Оахо. Я испытал все, что может испытать человек, но мне мало. Так сказал Оахо. Если звезд нет в небе, я найду их на дне моря. Так сказал Оахо. И он взял самую маленькую лодку и ночью поплыл в море. Он долго дышал, а потом взял тяжелый камень и прыгнул в воду. И он погружался все глубже и глубже, пока не достиг дна. И там, на дне моря, он увидел звезды. И они были так прекрасны, что Оахо не захотел возвращаться. Он остался на дне, и глаза его до сих пор смотрят на звезды.

Мальчик не спрашивает, кто рассказал про звезды, если Оахо не вернулся. Он знает, что правда легенды выше, чем правда жизни. Он молчит и думает.

— Оахо был великим пловцом, — говорит старик. — Он мог нырнуть куда глубже, чем любой другой человек. Куда глубже, чем можешь нырнуть ты. Не каждый, кто остается в пучине, видит звезды.

Это правда.

— Алату Четыре Голоса, — говорит мальчик. — Но ты рассказывал, что море мелеет с каждым годом. Острова становятся все больше и больше. С Рауни на Отоару уже можно пройти, не замочив ног, а когда я был маленьким, приходилось плыть.

Это тоже правда.

— Море мелеет, — тихо говорит старик. — Но море все равно глубоко. Может быть, через сто лет...

Он замолкает. Ему не хочется думать о том, что будет через сто лет. Но он прав. Уже через пятьдесят лет мир изменится. Огромное море и маленькие острова превратятся в большую сушу и маленькие озера.

Так будет, потому что с каждым днем мне нужно все больше и больше воды.

— Спасибо тебе, Алату Четыре Голоса, — говорит мальчик.

Он встает и уходит, а старик тщетно смотрит в темноту, пытаясь понять, куда пошел Соуи, любящий задавать вопросы. К деревне или к лодкам?

Старик поднимает голову к небу и смотрит на меня. Смотрит так, будто видит.

Мне становится неудобно.

— Защити его, всемогущий, — шепчет старик. — Ему всего пятнадцать лет. Он слишком рано стал задавать вопросы. Защити его! Я знаю, ты слышишь меня. Ты ведаешь все, что происходит в мире. Ты видишь движение рыб в пучине и бег звезд в небе. Когда я просил, ты посылал дождь. Когда я просил, ты пригонял рыбу. Сейчас я прошу самую малость, всемогущий! Останови мальчика! Возьми мою жизнь вместо его!

Мне становится стыдно.

— Защити его, — шепчет старик. — Останови его...

Я хотел бы ответить, что защитить и остановить — это не ▶

одно и то же. Но я не могу ответить. Я смотрю, как плачет старик и как мальчик выбирает самую плохую лодку. Старик не хочет, чтобы мальчик умер. Мальчик не хочет, чтобы племя понесло убыток.

Я вызываю дождь.

В центре мира, там, где днем пылает свет, который люди называют солнцем, сгущаются облака. Я трачу немного энергии — и ливень обрушивается на остров, смывая слезы со щек старика. Капли барабанят по перевернутым лодкам, и мальчик останавливается, глядя в небо.

Дождь холодный.

Люди в деревне просыпаются и молят меня о милосердии. Я не слушаю их.

Мальчик спускает лодку на воду. В лодке лежит камень на длинной веревке, свитой из копры, — якорь. Мальчик взвешивает его на руках и кивает. Камень тяжелый.

Я вызываю ветер.

Я не делал этого, когда Оахо уплыл в море. Оахо был стар и хотел лишь одного — увидеть звезды. Он увидел их, но глаза его давно уже съели рыбы.

Мальчик упрям. Он гребет, и лодка движется прочь от берега. Почти туда, где на дне моря лежат кости Оахо, опутанные веревкой из копры.

Я могу сделать для мальчика лишь одно.

Я могу показать ему звезды.

Я смотрю на дно. На стеклокерамике почти нет песка, сила Кориолиса относит его к островам. Морское дно темное, словно небо. Гладкое, сверкающее, темное небо.

Я даю команду, и на огромном цилиндрическом корпусе корабля оживают сервоприводы. Мне все равно требуется проверять механизмы — к тому дню, когда корабль достигнет Проиона и для людей откроется новое небо.

Изъеденный метеоритной коррозией лист брони начинает сдвигаться. Очень медленно. Но мальчик еще гребет, мальчик еще борется с ветром, и я должен успеть.

Корабль плывет в пространстве почти четыреста лет. Первый земной колониальный корабль. Ковчег поколений, в ласковом тропическом раю которого живут будущие колонисты. Большинство устраивает такая жизнь — рыбалка и охота, свадьбы и празднества. Тихий, ласковый рай.

Но всегда находятся те, кто хочет увидеть звезды. Иначе меня не отправили бы в путь длиной в полтысячи лет.

Мальчик бросает весла. Он сидит, вцепившись руками в борта лодки и дышит. Дышит часто и сильно, наполняя легкие воздухом.

А глубоко внизу начинают сиять звезды.

Я должен защищать и оберегать людей. Это смысл моего существования. Каждая жизнь — бесценна, каждая жизнь — протянута между звездами нить, дорога из прошлого в будущее. Это закон.

Но я не должен вмешиваться, спасая отдельного человека. Всегда и во всем полагаясь на доброго и всемогущего бога, люди перестанут быть людьми. Это тоже закон.

Я могу лишь показать мальчику звезды.

Лодку залило водой, лишь поплавки-балансиры удерживают ее на поверхности. Мальчик обрезает веревку острым ножом из осколка раковины, наматывает веревку на руку. На миг поднимает голову — глядя на меня.

Бросает камень за борт.

И прыгает в воду.

Мне страшно.

В десяти километрах над поверхностью моря, по центральной оси корабля в зоне невесомости, расположены мои основные блоки. Это то, чем я думаю. Но одновременно я — весь плывущий меж звезд корабль. Еще в какой-то мере я — плачущий на берегу старик, погружающийся в пучину мальчик и трясущиеся в хижинах люди.

И я очень хочу спасти того единственного, кто хочет увидеть звезды.

Я еще могу это сделать.

Я лишь не в силах найти для себя оправдание.

Вода вокруг мальчика становится все холоднее и холоднее. Дыхание космоса вытягивает тепло сквозь обшивку, а я трачу энергию лишь на то, чтобы вода в глубине не превратилась в лед. Глаза мальчика открыты, и он смотрит вниз, вдоль натянутой, будто струна, веревки, увлекающей его на дно.

Еще миг — и он увидит звезды.

Но он уже не успеет подняться.

Время, пока я могу его спасти, истекает. А решения все▶

нет и нет. Я знаю, что одна-единственная жизнь не стоит ничего. Ни джоуля энергии, ни оборота сервопривода, ни килограмма воды, сгорающей в топке термоядерного двигателя.

Но я уже нарушил правила, открыв броню заслонок.

Этот мальчик хочет увидеть звезды.

Так же, как те, кто строил мою плоть и учил меня думать.

Я вдыхаю клубящийся вокруг меня водяной пар. Превращаю его в воду — и бросаю в камеру сгорания. Я отдаю команды — и реактор выходит на рабочую мощность. Я касаюсь главного двигателя — и магнитная броня окутывает титановые дюзы.

Вспомогательные системы что-то кричат — это похоже на собачий лай. «Незапланированный маневр»... «расход рабочего тела»... «обоснование»... «обоснование»...

Я становлюсь радаром — и заставляю его увидеть впереди астероид. Немыслимый, чудовищный астероид, несущийся в межзвездной пустоте — прямо на меня.

Вспомогательные системы стихают.

Я снова смотрю на мальчика.

Он видит звезды. Он висит над самым дном и сквозь стеноккерамику видит звезды.

Звезды прекрасны.

Я заглядываю ему в глаза — и вижу отражение звезд в зрачках. Глаза мутнеют от кислородного голодания, но он еще жив.

Звезды прекрасны, почти как люди.

Мальчик слабо ведет рукой, пытается сбросить веревочную петлю. Когда-то я так же смотрел на Оахо Три Весла, но тот не сделал этого движения. Он был стар и хотел лишь одного.

А мальчик хочет увидеть звезды и выжить.

Петля затянулась намертво. Мальчик достает нож и перерубает веревку. Бросает последний взгляд на звезды — и рвется вверх.

Глубина — сорок семь метров.

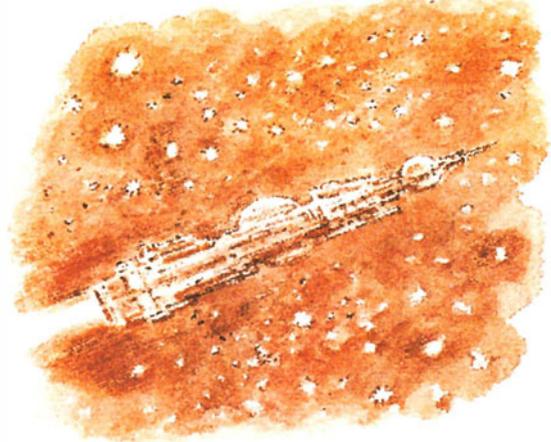
Ему не выплыть.

Когда два закона говорят разное — каждый сам решает, как поступить.

Я поджигаю плазму.

Тонны воды превращаются в газ и вырываются из дюзы главного двигателя.

Корабль вздрагивает.

ИЛЛУСТРАЦИИ ВАДИМА ЧЕЛАКА

Мир бьется в судороге.

Теперь главное — все правильно рассчитать.

Водяной вал проходит по внутренней поверхности цилиндра, на миг обнажая дно. Я маневрирую, уклоняясь от несуществующего астероида. Есть три вещи, которые я должен сохранить.

Бьющийся в потоках пены мальчик, мечтавший увидеть звезды.

Острова, которым вскоре суждено стать холмами.

Ну и я сам, конечно же.

Из морского дна выдвигаются демпферы. Некоторые не срабатывают, раскрываются не полностью. Надо будет починить... потом.

Цунами пробует острова своим краем. Слизывает пальмовую рощу. И несется на старика, стоящего у кромки отступившего моря.

Мне очень жаль, но тут я бессилён.

Старик видит надвигающуюся из темноты волну. Планктон возбужденно сверкает — и это похоже на звезды.

— Спасибо, всемогущий, — шепчет старик, прежде чем водяной вал накрывает его — и уносит в море.

Цунами уже стихает, но одну жертву море все-таки получило.

Последними включениями двигателя я заставляю волны метаться из стороны в сторону. Подгоняю к берегу оглошшую, ослепшую, нахлебавшуюся воды песчинку — и выбрасываю мальчика на берег.

Буря стихает.

Мальчик лежит на песке и жадно дышит.

Я смотрю на звезды в его глазах. Отворачиваюсь.

Корабль плывет в пустоте.

Звезды красивы.

Почти как люди.

Почти. ●